

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О МЪ LXII

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

1895

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТИНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ОКТЯБРЬ, 1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОКТЯБРЬ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. Часть II-я. V—VIII. (Продолженіе). И. И. Мердеръ	5
II. Воспоминанія А. В. Эвальда. V—VII. (Продолженіе)	43
III. Конецъ «Голубятни». I—III. М. Васанина	86
IV. Въ переломѣ вѣка. (Отрывки изъ старой записной книжки). И. Гардемаринъ. И. К. Мартынова	126
V. Среди пилигримовъ. (Путевые впечатлѣнія во время «Троицкаго похода»). X—XIV. (Окончаніе). М. В. Шевлякова	149
VI. Замѣтательная русскія женщины. Анна Петровна Бунина. А. Н. Чехова	164
VII. Кружокъ шестидесяти. И. Викторова	174
VIII. Дѣтская книга—ея прошлое, настоящее и желательное. Н. Н. Познякова	183
IX. Русская перковъ, построенная на англійскія деньги. А. Н. Ерем- лева	198
<i>Иллюстрація:</i> Церковь Воскресенія Христова въ Костромѣ.	
X. Русскій соціалистъ XVII вѣка. С. А. Адріанова	204
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Стенька Разинъ въ восточномъ костюмѣ. Съ лубочнаго портрета, изданного въ концѣ XVII вѣка въ Augsбургѣ.—2) Стенька Разинъ въ восточномъ костюмѣ. Съ гравюры XVII вѣка.—3) Стенька Разинъ въ казацкомъ костюмѣ. Съ лубка, изданного въ Augsбургѣ въ концѣ XVII вѣка.—4) Стенька Разинъ въ казацкомъ костюмѣ. Съ лубка, изданного въ Augsбургѣ въ концѣ XVII вѣка. — 5) Взятіе Астраханіи Стенькой Разиномъ. Съ рисунка, приложен- наго къ «Путешествію» Стройска 1676 года. — 6) Стенька Разинъ бросаетъ въ Волгу персидскую княжну. Съ рисунка, приложенаго къ «Путешествію» Стройса 1676 года. — 7) Плотъ съ казненными разбойниками на Волгѣ. Съ англійской гравюры XVIII вѣка.	
XI. Шведская могила. И. Ф. Шавловскаго	231
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Памятникъ на Шведской могилѣ.—2) Храмъ на Шведской могилѣ.	
XII. Заброшенный край. Б. Б. Глинскаго	239
XIII. Критика и библиографія	239
1) Я. Д. Лазаревъ. Причины бѣдствія армянъ въ Турціи и отвѣтственность за разореніе Сасуана. Тифлісъ. 1895. П. Ш.—2) Князь А. В. Лобановъ-Ростов- скій. Русская родословная книга. Издание 2-е. Спб. 1895. 2 тома. В.—3) Исто- рическія сѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ. Кіевъ. 1895. Б. В. Н.—4) Давидъ Рикардо. Начала по- литической экономіи. Переводъ Н. В. Фабриканта. Москва. 1895.—Т. Р. Маль- тусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. А. Вернера. Москва. 1895.— Джонъ Стюартъ Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ нихъ приложенийъ къ общественной философіи. Переводъ Александра Михалев- скаго. Москва. 1895. Б. Никольскаго.—5) Сочиненія А. Скабичевскаго. Критиче- сکіе этюды, публицистические очерки, литературные характеристики. 2 тома. Издание второе. Спб. 1895. Б. Г.—снаго.—6) Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изд. П. Диляторскаго. Вологда. 1895. А. Круглова.—7) Ю. Лип- пертъ. Исторія культуры. Перевели съ нѣмецкаго А. Острожскій и П. Струве. Спб. 1895. П. А.—8) Т. Циглеръ. Что такое нравственность? Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго. Спб. 1895. Б. В. Н.	

См. слѣд. стран.

XIV. Заграницыя историческія новости и мелочи

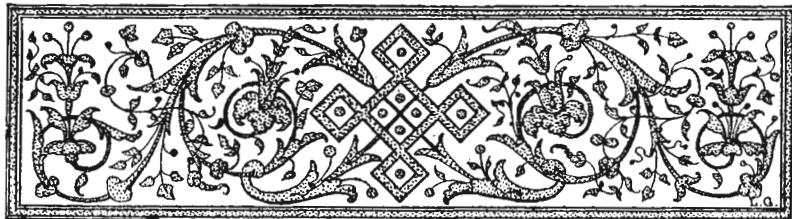
1) Научныя открытия настоящаго и будущаго.—2) Легенда о Маріи Магдалинѣ.—3) Новое о Шекспирѣ и Гёте.—4) Сестра Ренана.—5) Теоретическое и практическое изученіе исторіи въ Стѣро-Американскихъ Штатахъ.—6) Невѣдомый Наполеонъ.—7) Екатерина II, какъ литераторъ и драматургъ.—8) Письма о крымской кампаніи французскаго маршала и англійскаго офицера.—9) Иоаннъ Грозный и послѣдняя русско-турецкая война чрезъ англійскія очки.—10) Седанскій юбилей.—11) Будущій австрійскій императоръ.

XV Смѣсь 806

1) Первое сентября въ народной памяти. — 2) Пятисотлѣтіе перенесенія въ Москву чудотворной Владимирской иконы Божіей Матери.—3) Столѣтіе со дня кончины И. И. Бецкаго.—4) Пятидесятилѣтіе со дня кончины графа Е. Ф. Каракрина.—5) Пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. И. Хмельницкаго.—6) Семидесятилѣтіе лицезрѣнія въ Нѣжинѣ.—7) Двадцатипятилѣтіе существованія Демидовскаго юридического лицезрѣнія въ Ярославлѣ. — 8) 25-тилѣтіе гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ. — 9) Двадцатипятилѣтіе Императорской Николаевской гимназии.—10) Открытие памятника императору Александру II въ Казани. — 11) Открытие памятника императору Александру III.—12) Некрологи: Ф. А. Гиляровъ; Н. А. Бѣлоголовый; С. Ф. Рыскинъ; А. Р. фонъ-Бокъ; Ф. П. Корниловъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ А. П. Буниной.—2) Паденіе Царьграда (*The Prince of India or why Constantinople fell*). Историческій романъ Люиса Воллэса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть V. Гл. VIII—X. Часть VI. Гл. I. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжныхъ магазиновъ «Нового Времени» А. С. Суворина.

МОЛОДЕЖЬ И ЕЯ РУКОВОДИТЕЛИ.

I.

ТО МОЖЕТЬ БЫТЬ интереснѣе темы о молодежи?—спрашиваетъ фельетонистъ «Новаго Времени» (г. Фингаль въ № 7065) и тутъ же даетъ разъясненіе этому вопросу. «Молодежь—это ближайшее будущее человѣчества,—говорить онъ.—Дѣйствующее поколѣніе, какъ бы крѣпко ни держало оно въ рукахъ поводья, непремѣнно состарится, а старость, какъ бы она ни брюзжала, непремѣнно сойдетъ съ дороги и уступить мѣсто молодымъ. И они возьмутъ въ руки поводья и поведутъ жизнь впередъ по-своему. Вотъ почему всякий разъ, когда по тому или другому поводу возникаетъ вопросъ о молодежи, въ разсужденіяхъ и спорахъ является страсть. Нельзя спокойно и равнодушно говорить о томъ, кому принадлежитъ будущее». Поводомъ къ разсужденіямъ писателя послужили тѣ tolki, которые были вызваны на страницахъ повседневной прессы поставленной въ театрѣ «Литературно-артистического кружка» новой пьесой г. Потапенко «Чужie», где выведено два поколѣнія—«отцовъ и дѣтей», рѣзко расходящихся между собою по вопросамъ этики жизни. Пьеса г. Потапенко въ настоящей статьѣ меня не интересуетъ; мнѣ важно только, что гг. рецензенты отмѣтили ее и выдвинули старый, но вѣчно юный и жизненный вопросъ о молодежи. Тема дѣйствительно любопытная и, что называется, по жур-

мальному сезону. Гг. газетные фельетонисты ухватились за нее, благодаря пьесѣ г. Потапенко, но если бы имъ вздумалось ознакомиться не только съ театральными новинками, а съ тѣмъ материаломъ, который за послѣднее время накопился въ литературѣ, то они убѣдились бы, что вопросъ о молодежи одинъ изъ самыхъ шумныхъ вопросовъ нашихъ дней. И о ней и по поводу ея, а также и ею самою pro domo suo написано немало журнальныхъ статей, замѣтокъ и даже книжекъ. Образовалась обширная литература, которую можно озаглавить «Споръ двухъ поколѣній, 1860 и 1880 годовъ, о преимуществѣ идеаловъ этихъ поколѣній». Споръ этотъ начался еще при покойномъ Н. В. Шелгуновѣ въ 1890 г. и съ тѣхъ поръ не сходилъ со страницъ нашихъ журналовъ. Хронологію этого спора собственно можно бы было отнести ко временамъ очень стародавнимъ, можно бы вспомнить послѣдовательно Пушкина, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, сконцентрировать его вокругъ Тургеневскаго романа «Отцы и дѣти» и Гончаровскаго «Обрыва», вспомнить произведенія Стебницкаго, Всеволода Крестовскаго, Достоевскаго и кое-что иное въ этомъ родѣ, но такая историческая экскурсія завела бы меня въ такую глупь и глубь, раскапывать которую я не имѣю рѣшительно возможности въ настоящемъ очеркѣ. Отмѣчу только характерную особенность спора современного по сравненію его съ спорами былыми. Тогда «отцы» открепичивались отъ своихъ наслѣдниковъ, лишали ихъ своего отцовскаго благословенія и относились съ полнымъ неодобреніемъ къ ихъльному и строптивому поведенію; но это время прошло, и картина дѣйствія измѣнилась: «дѣти» стали открепичиваться отъ наслѣдія отцовскаго и протягивать руки черезъ головы родителей своимъ старшимъ родственникамъ и дѣдамъ,—«людямъ сороковыхъ годовъ». О такомъ сродствѣ душъ и гармоніи умовъ, въ смыслѣ по крайней мѣрѣ желательного достижения, свидѣтельствуютъ какъ дѣятели «шестидесятыхъ годовъ», такъ и непослушныя ихъ дѣти—такъ называемые «восьмидесятники»¹⁾.

«Между сороковыми и шестидесятыми годами разница вообще существенная,—свидѣтельствуетъ одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей молодого поколѣнія, по своимъ симпатіямъ не принадлежащий, однако, къ числу «отколовшихся» отъ отцевъ, Евг. Соловьевъ, въ предисловіи къ біографіи Д. И. Писарева.—Въ настоящую минуту, напримѣръ, мы гораздо ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Шестидесятые годы мы не прочь даже развѣчивать, и наши современные гимназисты ясно представляютъ себѣ «всѣ ихъ крайности». О такомъ же сродствѣ этихъ двухъ поколѣ-

¹⁾ Въ настоящей статьѣ употреблены термины «шестидесятники», «восьмидесятники» и т. д. согласно установленной въ современной журналистикѣ квалификаціи.

ний свидѣтельствуетъ П. Перцовъ, авторъ недавно вышедшихъ «Писемъ о поэзіи». Этотъ послѣдній явно бунтуетъ противъ отцовъ, полемизируетъ съ Евг. Соловьевымъ, обвиняетъ его въ робости передъ «шестидесятниками»... «Наше время въ естественномъ и свободномъ развитіи своихъ идей явно склоняется болѣе къ эпохѣ 40-хъ годовъ, нежели къ эпохѣ 60-хъ годовъ», утверждаетъ г. Перцовъ. Г. Соловьевъ находить нужнымъ скорбѣть по этому поводу. Это опять-таки понятно со стороны оробѣвшаго человѣка. Признать законность и цѣлесообразность той эволюціи, которая совершается за послѣднее время въ нашемъ общественномъ мышленіи, значило бы признать законность и цѣлесообразность вновь нарождающихся умственныхъ течений, значило бы даже, быть можетъ, заговорить о возможности и необходимости появленія нового общественного наслоенія — «девятидесятниковъ»... Но все это слишкомъ отважно, разумѣется, для молодого «семидесятника»...¹⁾ 90-хъ годовъ. А между тѣмъ, наблюденія г. Соловьева не обманываютъ его. Въ нашемъ обществѣ, дѣйствительно, замѣтно нынѣ большее довѣріе къ идеалу людей 40-хъ годовъ, чѣмъ къ идеалу «шестидесятниковъ». Съ моей точки зрењія — этому остается только радоваться: вѣдь первый заключаетъ въ себѣ и послѣдній». Эти слова требуютъ поясненія. Дѣло въ томъ, что г. Перцовъ, ловко пользуясь нѣсколько неудачно открытыми картами своего противника, принимаетъ сдѣланное послѣднимъ опредѣленіе эпохъ, уличаетъ его въ непослѣдовательности и дѣлаетъ свой, разный отъ г. Соловьева, логический выводъ. Онъ говоритъ: однажды г. Соловьевъ утверждаетъ и утверждаетъ вполнѣ резонно, что «сороковые годы выработали идеаль человѣка, научно и эстетически развитой культурной личности, стоящей на высшей ступени развитія», то это значитъ, что «люди сороковыхъ годовъ умѣли схватить въ своемъ міросозерцаніи и практикѣ обѣ стороны умственной жизни человѣка — и эстетическую и гуманную. Ихъ идеаль «человѣкъ» заключаетъ въ себѣ и художника и гражданина». Такъ построенный силлогизмъ приводить его и къ таковому умозаключенію... «Люди сороковыхъ годовъ въ своемъ идеалѣ и въ своихъ стремленіяхъ были шире шестидесятниковъ, и... въ нашу эпоху, когда временные обстоятельства не уклоняютъ русской общественной мысли въ ту или иную односторонность, мы имѣемъ не только право, но даже обязанность вернуться къ широкому и полному идеалу людей 40-хъ годовъ и, не забывая «гражданина», признать право жизни и за «художникомъ». *Pia desideria* г. Перцова сводятся къ слѣдующему:

¹⁾ Тутъ очевидная ошибка со стороны г. Перцова. Г. Евг. Соловьевъ выступилъ на литературномъ поприщѣ только въ текущемъ десятилѣтіи или, въ крайнемъ случаѣ, въ концѣ прошлаго. Авторъ настоящей статьи помнить г. Соловьева еще студентомъ, и это было во второй половинѣ 1880 годовъ.

«При этой эволюции, очевидно, немалую роль должно играть восстановление эстетической стороны нашей умственной жизни, временно пришедшей в забвение, дополнение развитого и укрепившегося за время 60-хъ и 70-хъ годовъ понятия «гражданинъ», остановившагося на точкѣ замерзанія, понятіемъ «художникъ», дабы вновь сдѣлался возможенъ ихъ синтезъ—была бы восстановлена и поставлена во главу угла идея «человѣка». Право, это старое знамя не такъ уже плохо: подъ его сѣнью были одержаны величайшія побѣды нашей гражданственности—вызваны къ жизни великія реформы Александра II, и совершены самыя цѣнныя завоеванія нашей литературы,—создано все то, что поставило ее въ рядъ всемирныхъ литературъ». Такимъ образомъ, г. Перцовъ ищетъ для своей дѣятельности болѣе широкую дорогу и болѣе широкій идеалъ, каковой онъ и усматриваетъ въ такъ называемой эпохѣ 1840-хъ годовъ. Вѣроятно, эту же широту разумѣль и тотъ развязанный молодой человѣкъ, который бросилъ Шелгунову незадолго передъ его смертью наглый окрикъ: «шире дорогу! восьмидесятникъ идетъ!». Г. Перцовъ и Шелгуновскій «восьмидесятникъ»—не единичные дѣятели нашей современной литературы. Свое несогласіе съ «отцами» еще болѣе рѣзко формулировали г. Мережковскій въ книжкѣ: «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы», некоторые критики «Недѣли» (г. Единица, г. Дистерло и др.), но сильнѣе всѣхъ г. Волынскій въ рядѣ статей, печатающихся съ 1891 г. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». «Недѣля» въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ, и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ бессильны... Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все является одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантегистическому міросозерданію». Г. Волынскій почти одновременно (1891 г.) съ авторами изъ «Недѣли» писалъ: «Времена менются. Современная жизнь течетъ подъ инымъ освѣщеніемъ. «Догорѣли огни, облетѣли цвѣты». Силой обстоятельствъ возникъ цѣлый рядъ вопросовъ и запросовъ, на которые нѣть отвѣта въ талантливѣйшихъ произведеніяхъ былыхъ авторитетовъ. Время обнажило новый уголь души, открыло новую мозговую линію, которой нужны жизнь, свѣтъ, яркія впечатлѣнія, свѣжія краски...». Г. Волынскій въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ настоящаго десятилѣтія при всякомъ случаѣ старается показать свое несогласіе съ людьми 1860-хъ годовъ, отмѣтить, въ чёмъ заключается, по его мнѣнію, дефектная сторона дѣятельности послѣднихъ, и нарисовать туть путь, по которому, освобожденное отъ ошибокъ отцовъ и вліянія ихъ ума, новое поколѣніе людей должно шествовать. Но въ настоящей своей статьѣ я не имѣю въ виду говорить ни о г. Мережковскомъ, ни о критикахъ «Недѣли», ни о г. Волын-

скомъ, то-есть, о старѣйшихъ восьмидесятникахъ; это я надѣюсь сдѣлать въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, поводъ къ этому у меня уже предвидится.

Сдѣланная выписки и изъ г. Соловьева, а тѣмъ болѣе изъ г. Перецова, младшаго восьмидесятника—да не примутъ мои сверстники-восьмидесятники дѣленія ихъ на «старшихъ» и «младшихъ» за иронію—будто я ихъ приравниваю къ богатырямъ русскаго эпоса, дѣлящимся, какъ известно, на «старшихъ» и «младшихъ»: съ богатырями я ихъ не думаю сравнивать ни въ шутку, ни въ серьезъ, но раздѣленіе и такая схема показались мнѣ наиболѣе удобными, ну, я и употребилъ слово;—итакъ, сдѣланная выписки непреложно констатируютъ фактъ борьбы «дѣтей» съ «отцами», при чемъ отчасти уже показано, къ кому тяготѣютъ ихъ симпатіи и въ какомъ идеалѣ они тщатся найти успокоеніе своему мятежному чувству. Несогласіе это въ настоящее время не только не утихаетъ или приходитъ къ какому либо примиренію или перемирію, но даже возрастаетъ, выходитъ изъ сферы общихъ разсужденій, изъ паренія въ заоблачную высъ и спускается на землю, проникая въ вопросы болѣе частные, детальныя, при чемъ и здѣсь не теряетъ своего острого характера. Два труда, надѣлавшихъ въ послѣднее время немало шума, могутъ служить прекрасной иллюстраціей сказаннаго. Вниманіе общества, обращенное къ этимъ трудамъ, возросло настолько сильно, что въ какіе нибудь полгода обѣ книжки были раскуплены, что называется, нарасхватъ и сдѣлались въ настоящее время рѣдкостью. Одинъ оборотливый книготорговецъ, какъ рассказываютъ, извлекъ даже изъ этого шума немалую для себя пользу, продавая книжки обоихъ авторовъ по тройной цѣнѣ. Книги эти—П. Струве «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», вып. 1-й, и Н. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карбеву и Комп.». Обѣ книги, написанныя по разнымъ поводамъ и съ неодинаковою талантливостью, сумѣли вызвать на свѣтъ Божій множество теоретическихъ вопросовъ, какъ научнаго, такъ и практическаго свойства, сумѣли заинтересовать широкую аудиторію читателей, а также кругъ писателей, такъ что каждая изъ нихъ въ отдѣльности образовала чуть ли ни цѣлую полемическую литературу. Ни г. Струве, ни г. Бельтова не замахнулись на старшее поколѣніе, что называется «по всѣмъ по тремъ», не предали анасемѣ всей ихъ дѣятельности, какъ общественныхъ руководителей, а лишь рѣзко и съ грубой развязностью, постарались сорвать ореоль научности, компетентности и здравомыслія съ гг. Михайловскаго, Карбевы, В. В., Николая—она и нѣкоторыхъ другихъ, подвернувшихся подъ руку. Удалось ли имъ это сдѣлать, и какъ они постарались достигнуть желанной цѣли, будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Не успѣть затихнуть шумъ браніи, поднятый гг. Струве и Бель-

тovы́мъ, какъ на смы́ну имъ явились «девятисотники», студенты двухъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Передъ нами двѣ брошюры—г. А. Трнка «Отвѣтъ одного изъ учайщихся молодежи на «Письма» къ ней г. Карбѣева о самообразованіи» и г. С. «Обращеніе товарища къ студентамъ», написанное по предмету тѣхъ же «Писемъ» г. Карбѣева. Обѣ брошюры, изданныя, кстати сказать, съ симпатичною цѣлью—въ пользу недостаточныхъ студентовъ Технологического и Горнаго институтовъ, обнаруживаютъ недовольство авторовъ обращеніемъ къ нимъ одного изъ «отцовъ», принадлежащаго, подобно и г. Михайловскому, къ соціологической школѣ, профессора Н. И. Карбѣева, и имѣютъ цѣлью призывъ своихъ товарищихъ послѣдовать по иному пути духовнаго развитія, нежели имъ рекомендуетъ нашъ историкъ. И «обращеніе» и «отвѣтъ» чрезвычайно любопытны по своимъ выводамъ и до известной степени характеризуютъ современное настроеніе молодежи,—настроеніе, рисуемое также г. Перцовыми въ его «Письмахъ о поэзіи». Такимъ образомъ дѣтской крестовой походъ—*passer moi le mot — вѣвъ всякаго сомнѣнія.* Натискъ на символъ вѣры «шестисотниковъ» сдѣланъ по всѣмъ пунктамъ; все наслѣдство отцовъ подвергается осмѣянію и рѣзкой критической оценкѣ. Посмотримъ же, во имя чего новые крестоносцы ополчились на своихъ отцовъ, и подъ какимъ знаменемъ шествуетъ ихъ шумная рать.

II.

Мы уже видѣли, что г. Перцовъ не довольствуется идеаломъ гражданина, поставленнымъ на вершины литературныхъ требованій былой эпохи—

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ—

и, раскланиваясь вѣжливо, но сухо, передъ образомъ «гражданина», устремлять свой взоръ къ иному кумиру, который онъ усматриваетъ въ созданномъ 1840-ми годами идеалъ «человѣка». Г. Перцовъ не даетъ подтвержденія своему априорному выводу, будто литература «отцовъ» затмила идеаль человѣка, не распространяется также на тему, почему гражданскіе мотивы русской критической и публицистической литературы доминировали надъ всякими иными. Полной картины этого литературно-общественного процесса въ своей брошюрѣ онъ не рисуетъ. Онъ съ непогрѣшимостью ставить свое утвержденіе о разницѣ между идеалами и, увѣривъ читателей, что «въ нашу эпоху временныхъ обстоятельства не уклоняются русской общественной мысли въ ту или иную односторонность», переходить къ конструированію современного идеала. Во всѣхъ положеніяхъ г. Перцова чтò ни слово, чтò ни мысль—то недоговорка, отсутствіе мотиви-

ровки, парадоксъ. Но я не имѣю въ виду вступать съ нимъ въ пререканія и разъяснять, дѣйствительно ли «временные обстоятельства не уклоняютъ общественной мысли въ односторонность», равно не входить въ мою задачу толкованіе, что такое эта «односторонность», и какъ слѣдуетъ въ настоящемъ смыслѣ понимать это слово. Меня занимаетъ только самая наличность спора г. Перцова и присныхъ ему съ противниками изъ старшаго поколѣнія, а потому, принявъ на вѣру его положеніе, что все обстоитъ благополучно, согласившись съ его реабилитацией дѣйствительности, посмотримъ, въ какія отношенія онъ ставитъ себя и своихъ сверстниковъ къ этой дѣйствительности, что они въ ней дѣлаютъ и какъ понимаютъ это дѣло. Предварительно долженъ, однако, оговориться. Г. Перцовъ, толкуя объ окружающей жизни и о задачахъ молодежи, хлопочетъ главнымъ образомъ изъ-за собственнаго благосостоянія, заключающагося, по словамъ поэта, «въ сладкихъ звукахъ и молитвахъ». Онъ писатель и стихотворецъ, поэтому-то область поэзіи и обязанности въ отношеніи къ ней ея молодыхъ жрецовъ составляютъ главный предметъ его стараній. Онъ говоритъ: «Но нынѣ времена Неждановыхъ ушли, и отношение современной молодежи къ искусству настолько рѣзко разнится отъ тогдашняго, что становится вполнѣ понятнымъ искреннее недоумѣніе людей старшаго поколѣнія, и особенно поколѣнія, выступившаго въ жизнь подъ знаменемъ «utilitarism», при видѣ всего этого огромнаго количества «поющіхъ, вопіющіхъ, взывающихъ и глаголющихъ» (послѣднее, впрочемъ, довольно рѣдко). Не замѣчая или не желая замѣчать, что это повальное стихописаніе и непрерывная игра на віолончели есть лишь вполнѣ естественный коррективъ къ ихъ собственному чуранію «безполезнаго» искусства, они возмущаются и негодуютъ и готовы объяснить это «совращеніе» молодежи и ея бездѣльничаніемъ и «неблагопріятными виѣшими обстоятельствами (нашимъ вѣчнымъ козломъ отпущенія) и пр. и пр.». Итакъ «независящихъ обстоятельствъ» не существуетъ, Неждановы ушли (куда? не сказано), и современная молодежь поэтому повально пишетъ стихи и непрерывно играетъ на віолончеляхъ. Такой кондуктный списокъ, выданный съ снисходительнымъ одобреніемъ г. Перцовымъ своимъ сверстникамъ, конечно, не можетъ не вызвать веселой улыбки постороннихъ зрителей, но что дѣлать? — «по дѣламъ и мука вору»; мнѣ кажется только, что г. Перцовъ упустилъ въ этомъ спискѣ одинъ изъ предметовъ, который бы долженъ быть тоже вызвать его снисходительное одобрение: онъ позабылъ рядомъ съ непрерывной игрой на віолончели поставить и игру въ винтъ. По крайней мѣрѣ гг. беллетристы, отзывчивые на злобы дня и къ современнымъ мотивамъ жизни, какъ, напримѣръ, г. Боборыкинъ, рисуя типы молодежи, въ качествѣ аксессуара портретовъ не забываютъ колоды картъ.

Далѣе г. Перцовъ лѣтописуетъ, что «за послѣднее время мутная волна тенденціи начинаетъ спадать — съ развитіемъ художественныхъ вкусовъ и художественного чутья, съ «воскресеніемъ художника», начинаетъ все болѣе и болѣе выясняться въ сознаніи общества роль поэзіи, какъ одного изъ изящныхъ искусствъ». Отвергнувъ идеаль гражданина, провозгласивъ «воскресеніе художника», г. Перцовъ обрушивается на точные знанія и съ негодованіемъ спрашиваетъ: «...Интересно бы знать, почему мы не требуемъ отъ музыканта, какъ такового, знакомства съ политической экономіей и отъ художника знанія шведской конституції? Почему только поэты не смѣютъ предаваться прямо и безпрепятственно своему дѣлу и обязательно образовать изъ своего таланта пособіе къ разъясненію «общественныхъ вопросовъ»? Отсюда уже естественъ слѣдующій выводъ автора «Писемъ»: «Не «общественные отношенія», не соціологію или политическую экономію нужно изучать поэту, какъ таковому, а прежде всего и больше всего родное искусство — творенія другихъ поэтовъ и, наконецъ, всѣ имѣющіяся на землѣ воплощенія красоты».

Я могъ бы покончить съ г. Перзовымъ, если бы онъ еще разъ не напомнилъ о себѣ въ качествѣ одного изъ издателей «Молодой поэзіи», сборника «избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ». Мы ознакомились достаточно съ возврѣніями г. Перцова на современную дѣйствительность, видѣли его несочувствіе къ учению «отцовъ» и указали на предъявляемыя имъ требования къ литературѣ вообще и поэзіи въ частности. Провозгласивъ «законность и цѣлесообразность вновь нарождающихся умственныхъ теченій» г. Перцовъ (совмѣстно съ В. Перзовымъ) постарался представить эти умственные теченія въ сборникѣ «Молодая поэзія», гдѣ собранный матеріаль долженъ помочь сужденію о «достоинствахъ и недостаткахъ нашей молодой поэзіи, столь мало популярной и въ сущности столь мало извѣстной».

Сборникъ открывается поэтической «фантазіей» талантливаго молодого поэта К. Бальмонта, гдѣ встрѣчаются слѣдующія красивыя и мрачныя строфы:

«...Слыша тихій стонъ мятежи, шепчутъ сосны, шепчутъ ели,
Въ мягкой бархатной постели лѣмъ отрадно почивать,
Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклявая,
Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.
Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленіе,
И тоска, и упоснѣ, — точно искрится звѣзда,
Точно свѣтлый дождь струится, — и деревьямъ что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи почі, это искрятся ихъ очи,
Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
Что ихъ мучить, что тревожитъ? Что, какъ червь, ихъ тайно гложетъ,
Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ небесъ?
Все сильный звучить ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,

Неустанного стремленья пеизмынная печаль,—
Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Прослѣдимъ далѣе за мотивомъ пѣсень молодыхъ современныхъ поэтовъ. Въ стихотвореніи «Изъ осеннихъ набросковъ» г. Корине-скій описываетъ свое настроеніе души во время охотничьей прогулки и возвращеніе домой. Онъ говоритъ, что

«Куда ни кинетъ онъ пытливо грустный взглядъ—
Мелькаютъ образы, плывутъ живая тѣни;
Повѣтъ вѣтеркомъ—неслышно налетятъ
Всѣ спутники его минутныхъ вдохновеній:
Тутъ рионы звонкія ласкаютъ чуткій слухъ,
Здѣсь страсти мѣрные сплетаютъ рядъ созвучій,
А тамъ—ростетъ мотивъ... И въ мигъ воспрянетъ духъ,
И сердце застучитъ, и стихъ готовъ летучій.

.....

Лишь позднимъ вечеромъ вернулся я домой,
Съ пустою сумкою—измученный, усталый...
Казался городъ миѣ огромной тюрьмой,
И грудь была полна тоскою небывалой;
Душа опять рвалась отъ каменныхъ громадъ
На волю, на просторъ... А сердце въ пѣсню муки,
Въ больную пѣснь любви, слагало наугадъ
Природой сърою подсказанные звуки...

Г. Мережковскій, этотъ типичный представитель мятежнаго современнаго духа, талантливый писатель, то пытающій свои силы въ критическихъ очеркахъ, гдѣ гордо бросаетъ перчатку поколѣнію «отцовъ», то создающій прекрасный исторический романъ «Отверженный», гдѣ обнаруживаетъ широкую эрудицію и знакомство съ древней и христіанской философіей, то созидающій рядъ стихотвореній въ духѣ символистовъ и декадентовъ, даетъ въ произведеніи «Передъ зарею», слѣдующую характеристику своего поколѣнія:

Устремляя наши очи
На бѣднѣющій Востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.
Мы невѣдомое чуемъ
И съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Мы, какъ ранис предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра—это мы,
Наши гимны, наши стоны.

Мы для новой красоты
 Нарушаемъ всѣ законы,
 Преступаемъ всѣ черты.
 Мы—соблазнъ неутоленныхъ,
 Мы—погибельще людей,
 Искра въ пепль оскорблennыхъ
 И потухшихъ алтарей.
 Мы—надъ бездною ступени,
 Дѣти мрака, солица ждемъ,
 Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
 Мы въ лучахъ его умремъ!

Я пропускаю въ «Сборникѣ» и стихи, такъ сказать, безразличные и посвященные исключительно описанію природы, и торжественно-ликующіе и такие игриво-бесодержательные, какъ получившіе широкую, но незавидную извѣстность, вирши г. Лялечкина.

Незабудки, васильки,
 Васильки и незабудки...
 Жду я въ полѣ, у рѣки...
 Нѣть и нѣть моей малютки!

Стихи послѣднихъ категорій въ настоящее время мнѣ ненужны; можетъ быть, ихъ игривый мотивъ и свидѣтельствуетъ о «повальномъ стихописанії» и «непрерывной игрѣ на віолончели», можетъ быть, они свидѣтельствуютъ и еще кое о чёмъ, но не это настроеніе поэтовъ заставляетъ вниманія. Въ нихъ нѣть исповѣди молодого сердца, нѣть автобіографіи занимающаго меня поколѣнія. Я нарочно остановился только на трехъ произведеніяхъ молодыхъ поэтовъ нашихъ дней, успѣвшихъ завоевать себѣ болѣе или менѣе широкую извѣстность, такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ данъ ключъ къ разрѣшенію поставленного г. Перцовымъ вопроса: почему молодые «поэты не смѣютъ предаваться прямо и безпрепятственно своему дѣлу и обязательно должны образовать изъ своего таланта пособіе къ разясненію общественныхъ вопросовъ?»

Гг. Бальмонтъ, Коринескій и Мережковскій, какъ это видно изъ приведенныхъ выше цѣлыхъ стихотвореній или отрывковъ изъ нихъ, свидѣтельствуютъ, что дѣйствительно современному поколѣнію нѣть дѣла до «общественныхъ вопросовъ», что задачи его иныхъ, что ихъ самочувствіе покоятся не на общественныхъ началахъ.

Г. Бальмонтъ даже среди мертвой природы улавливаетъ беспокойное метанье безформенныхъ духовъ, которыхъ

... — томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
 Точно мука у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Больная мысль, болѣзненно-настроенные нервы г. Бальмонта однородны съ тѣмъ, что мы видимъ и у г. Коринескаго, у котораго

... сердце въ пѣсню муки,
 Въ большую пѣснь любви, слагало наугадъ
 Природой съюро подсказанные звуки...

Здесь уже мы находимъ нѣкоторое объясненіе, откуда рождаются и «эта тревога», и «эта жажда вѣры», эта тоска, «пѣсня муки», «больная мысль». Они подсказаны, какъ свидѣтельствуетъ поэтъ, «природой сѣрою», т. е. тою сѣрою окружающею дѣйствительностью, гдѣ нѣть «грядущихъ дней тревоги», гдѣ плывутъ лишь «живыя тѣни», гдѣ «мотивъ» и содержаніе рождаются совершенно случайно.

Мы надѣ бездною ступеня,
Дѣти мрака, солница ждемъ.
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ!

«Дѣти мрака», «тѣни», «ранніе предтечи слишкомъ медленной весны», «осужденные на смерть», «посмѣшище людей»—вотъ какъ опредѣляеть свое поколѣніе г. Мережковскій и притомъ свидѣтельствуетъ, что это поколѣніе «тоскуетъ о несозданныхъ мірахъ», ждетъ пришествія невѣдомаго пророка, появленія солнца. Здѣсь то же свидѣтельство, что и у г. Коринескаго о сѣрой природѣ, обѣ окружающемъ мракѣ и о болѣзненному настроеніи чувства и ума, тоскующихъ о «несозданныхъ мірахъ».

Болѣзненно настроенные первы и у г. Мережковскаго, и у г. Бальмонта, и у г. Коринескаго однородны—всѣхъ ихъ сжимаетъ въ окружающемъ мракѣ тоска, и они не умѣютъ найти выхода этой тоскѣ. Окружающій мракъ отшибъ у нихъ пониманіе, ослѣпилъ ихъ глаза, и они тщетно рвутся къ какимъ-то «несозданнымъ мірамъ», чають пришествіе пророка и появленія солнца. Солнца они все-таки ожидаютъ, хотя не могутъ даже смутнымъ чувствомъ уловить, что за солнце должно засвѣтить надъ ихъ сѣрою жизнью, надъ бѣдными ихъ головами—ихъ, «дѣтей скорби, дѣтей ночи».

Эти свидѣтельства трехъ поэтовъ для насы чрезвычайно цѣнны—они показываютъ, что звуки «віолончели» не такъ ужъ удовлетворяютъ современную молодежь, какъ утверждаетъ г. Первцовъ, что не все обстоитъ такъ благополучно, и что времена Неждановыхъ не такъ ужъ далеко отъ насы отошли. Конечно, среди современного поколѣнія существуютъ разные типы—встрѣчаются и успокоившіеся въ «пантеизмѣ», въ примиреніи съ дѣйствительностью, встрѣчаются и, подобно г. Мережковскому, ищущіе Бога, алчущіе солнца и не скрывающіе передъ нами этого своего искаянія. Къ типу первыхъ принадлежитъ г. С., обратившійся къ товарищамъ студентамъ по поводу Писемъ г. Карбѣева «о самообразованіи», къ типу вторыхъ—г. А. Трико, отвѣчавшій на тѣ же «Письма». Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ «Обращеніяхъ» и «Отвѣтахъ», необходимо ознакомить читателей съ самыми «Письмами» г. Карбѣева, вкратцѣ изложитъ ихъ содержаніе.

III.

Г. Карбєева не приходится рекомендовать публике: о его научныхъ трудахъ въ свое время были даваемы отзывы на страницахъ «Исторического Вѣстника», а въ самое послѣднее время пишущему эти строки пришло по адресу почтенного историка сдѣлать нѣсколько непріятныхъ замѣчаній. Замѣчанія эти не имѣли въ виду научныхъ безспорныхъ заслугъ профессора Петербургскаго университета, не касались его и какъ общественнаго дѣятеля въ полномъ объемѣ этого опредѣленія; назначеніе замѣчаній было отмѣтить лишь нѣсколько неловкое и неудобное отношеніе къ одному изъ общественныхъ вопросовъ, отношеніе, по моему мнѣнію, дискредитировавшее дѣло, само по себѣ чрезвычайно полезное и достойное уваженія. Г. Карбєевъ въ нашей неподвижной русской жизни вообще и въ академической средѣ въ частности представляетъ собою явление достаточно отрадное. Онъ ученый, чрезвычайно отзывчивый къ тревожнымъ вопросамъ дня, любящій жизнь въ ея сутолокѣ и ея шумныхъ проявленіяхъ, почему часто и покидаетъ вершины академическаго Олимпа и охотно спускается на нашу грѣшную пыльную землю, чтобы побывать въ нашей средѣ, потолковать съ нами, простыми смертными, о нашихъ злобахъ и нуждахъ. Это значительно отличаетъ его отъ нѣкоторыхъ другихъ его товарищѣй по профессії, которые свои визиты на землю цѣнятъ настолько высоко и визитируютъ насъ съ такой величественной небрежностью, что лучше бы оставались дома и предоставляли насъ собственной участіи. Въ противность этимъ господамъ, г. Карбєевъ является всегда желаннымъ гостемъ, правда, нѣсколько скучнымъ гостемъ, но нельзя же, вѣдь, отъ человѣка всего заразъ требовать — чтобы онъ былъ и пріятель, и уменъ, и забавень. Берите человѣка, каковъ онъ есть! Г. Карбєевъ дѣятель старателъный, отзывчивый, желающій быть полезнымъ, но не его вина, если дѣло, за которое онъ берется, не всегда расцвѣтаетъ въ его рукахъ и подъ его попеченіемъ. Довольно и того, что онъ обратилъ вниманіе на дѣло, пустилъ его, такъ сказать, въ оборотъ. Вольно-жъ не пользоваться этимъ обстоятельствомъ и, поблагодаривъ отзываиваго профессора за починъ, не прибрать дѣла къ рукамъ и не постараться придать ему нужнаго оживленія и блеска. La critique est aisée — l'art est difficile — вотъ почему и г. Карбєевъ, дѣлающій что можетъ по свойству своего ума, не долженъ быть строго судимъ за отсутствіе плодотворности своихъ начинаній. Поэтому я думаю, характеристика профессора, сдѣланная критикомъ «Сѣвернаго Вѣстника» (1895 года, № 10), слишкомъ сурова и даже какъ будто несправедлива. «При тяжеломъ и тягучемъ слогѣ,—говорить г. Волынскій,—съ надѣдливымъ пе-

ревономъ архаическихъ мѣстоименій посреди новѣйшихъ научно-прогрессивныхъ терминовъ, при полномъ неумѣніи показывать свои мысли ясно, твердо, безъ помощи громоздкихъ или туманныхъ книжныхъ сопоставленій, при явномъ отсутствіи литературнаго темперамента и агитационнаго пыла, разсужденія г. Карбѣева могутъ внести въ современное броженіе идей только расхолаживающую струю педантическаго резонерства». Кое-что здѣсь, дѣйствительно, справедливо—особенно относительно «агитационнаго пыла» и «расхолаживающей струи педантическаго резонерства», но зачѣмъ почтенный критикъ пускается въ оцѣнку литературнаго изложенія трудовъ профессора? Вѣдь это, что называется, съ больной головы да на здоровую, или онъ забылъ не столь давній еще совѣтъ г. Суворина издательницѣ «Сѣвернаго Вѣстника»—непремѣнно отдавать статьи г. Волынскаго на литературную выправку кому нибудь изъ свѣдущихъ людей! Ну, да не въ этомъ дѣло; а вотъ что касается «резонерства» и «агитационнаго пыла», тутъ г. Волынскій совершенно правъ. Отсутствіе этого пыла, необходимаго каждому писателю, если только онъ желаетъ успѣха и распространенія своимъ произведеніямъ среди широкаго круга читателей, въ значительной степени объясняется тою «многословною обстоятельностью, которая вообще свойственна этому писателю», какъ это вполнѣ справедливо отмѣтилъ г. Михайловскій («Русское Богатство», 1895 г., № 9). Г. Михайловскій отмѣчаетъ то свойство писателя болѣе наглядно въ другомъ мѣстѣ той же своей статьи «Литература и жизнь», гдѣ идетъ рѣчь о «Письмахъ» и «Бесѣдѣ» г. Карбѣева. «...Тратя энергіи на отстаиваніе никѣмъ не оспариваемаго положенія,—говорить Н. К. Михайловскій,—сообщая изложенію нѣсколько водяністый характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у автора время и мѣсто, которымъ съ большою пользою могли бы быть отданы выясненію болѣе важныхъ или сложныхъ вопросовъ. Г. Карбѣевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ расточителенъ, что только на 118 страницѣ «Писемъ» позволяетъ себѣ сказать: «Всякій, кто внимательно дочиталъ эту книжку до настоящей страницы, долженъ хорошо понимать, что я порицаю эгоизмъ и соціальный индифферентизмъ». И думаю, что читатель былъ бы въ большомъ выигрышѣ, если бы могъ догадаться объ этомъ задолго до «внимательнаго чтенія» ста семнадцати страницъ, да читатель, конечно, давно и догадался, такъ что почтенный профессоръ напрасно тратить время и бумагу, которая, повторяю, могли бы быть употребляемы на выясненіе менѣе элементарныхъ вещей».

Я нарочно такъ долго остановился на отмѣченныхъ двумя писателями, принадлежащими къ непріязненнымъ лагерямъ, общихъ литературныхъ свойствъ г. Карбѣева, потому что въ этихъ свойствахъ въ значительной степени лежитъ объясненіе того холоднаго впечатлѣнія, которое произвели на молодежь брошюры про-

фесора. Пусть авторъ «Писемъ» не ссылается на поразительный успѣхъ его брошюре на книжномъ рынке. Внѣшній показатель спроса на то или иное произведение литературы и науки не всегда служить обезпеченіемъ его дѣйствительного успѣха въ умахъ и сердцахъ читателей. Пусть не ссылается онъ также на обширную возникшую между нимъ и молодежью переписку по предмету писемъ. И тутъ мы имѣемъ дѣло съ чисто внѣшнимъ признакомъ. «Не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ», говорить народная мудрость и, очевидно, г. Карбевъ въ данномъ случаѣ родился подъ счастливой звѣздой. Вопросъ о «самообразованіи» уже не первый десятокъ лѣтъ волнуетъ русское общество и молодежь, но никому какъ-то въ голову не приходило обратиться по этому предмету съ бесѣдой къ молодежи. Г. Карбеву посчастливились—онъ попалъ въ удачный моментъ, когда окружающая жизнь нѣма вопросами, выкинула красивый флагъ, на которомъ обозначено увлекательное слово—молодежь; отсюда успѣхъ его «Писемъ», популярность его имени. Г. Карбеву, какъ общественному дѣятелю, какъ члену ученой и педагогической корпораціи, имѣющей уже по самому своему положенію въ глазахъ молодежи вѣсь, слѣдуетъ быть признательнымъ за то, что онъ удачно пустилъ въ обращеніе многія прекрасныя мысли о самообразованіи, но нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что это именно его рука дѣло, такъ какъ вслѣдствіе этого оно врядъ ли можетъ имѣть дѣйствительный качественный успѣхъ. Слишкомъ ужъ резонерски, поучительски обратился г. Карбевъ къ молодежи—холодомъ вѣтъ отъ его многословія, отъ его ученыхъ и туманныхъ выражений! Попадись-ка эта тема и полути-ка возможность побесѣдовать съ молодежью какой нибудь дѣйствительно талантливый популяризаторъ, публицистъ, «умѣющій жечь сердца людей», какъ, напримѣръ, покойный Н. Шелгуновъ, и я битъся объ закладѣ готовъ, что результаты были бы болѣе осознательные. Что бы сказалъ Шелгуновъ этой молодежи, не мнѣ подсказывать г. Карбеву; полагаю, что и почтенный профессоръ и читатели поймутъ меня и такъ, а непонимающимъ рекомендую ознакомиться съ недавно вышедшими собраниемъ сочиненій покойнаго писателя. Я увѣренъ, что появлявшіяся въ свое время на страницахъ «Русскаго Слова» его «Письма о воспитаніи», вошедшия нынѣ въ собраніе его сочиненій, гораздо болѣе волновали аудиторію читателей, нежели современные «Письма о самообразованіи» г. Карбева. Въ тѣхъ «письмахъ» видна искра Божія, та властность писателя надъ читателями, которая заполоняетъ ихъ души, заставляетъ дрожать всѣ фибры ума и сердца. Этой-то властности и нѣть у г. Карбева, а отсюда не можетъ быть дѣйствительного успѣха ни у «Писемъ», ни у «Бесѣдъ», ни у «Мыслей»¹⁾, не смотря на ихъ многочисленныя изда-

¹⁾ Три брошюры, изданныя для наставлениія молодежи на путь истины.

нія. Содержаніе всѣхъ брошюре г. Карбєва богатое, прекрасное, но скучное и отзывающееся нѣсколько «прописными истинами» и ходячей моралью, набившей уже достаточно оскомину молодежи. Выберу для ознакомленія своихъ читателей нѣсколько мыслей г. Карбєва изъ двухъ его брошюре — «Писемъ къ учащейся молодежи» и «Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія». Я могъ бы ихъ, конечно, комментировать подходящими пословицами, какъ, напримѣръ, «ученые свѣтъ, а не ученье тьма», «вѣкъ живи — вѣкъ учись», «корень ученья горекъ, а плоды его сладки» и множествомъ другихъ подобныхъ, но въ настоящей статьѣ меня интересуетъ не философія и правоученіе профессора, а иная часть дѣла, которая вызвала печатное несочувствіе къ нему молодежи.

«Сущность самообразованія не въ томъ состоять,— говоритъ г. Карбєевъ,— чтобы овладѣть извѣстнымъ фактическимъ и идеинмъ содержаніемъ, пребывая попрежнему на той ступени развитія, которая соотвѣтствуетъ пассивному и догматическому усвоенію чужихъ мыслей. Самообразованіе не должно быть только самостоятельнымъ, безъ помощи учителя приобрѣтеніемъ извѣстнаго запаса знаній и идей путемъ одного чтенія подходящихъ книгъ, но и самовоспитаніемъ въ смыслѣ развитія въ себѣ умственной самостоятельности, въ смыслѣ искорененія въ себѣ привычекъ, созданныхъ пассивнымъ и догматическимъ усвоеніемъ чужихъ идей, свойственнымъ раннимъ періодамъ въ жизни не только всего человѣчества, но и отдѣльного человѣка». Далѣе: «Да, говоря о томъ, что цѣлью самообразованія должна быть выработка міросозерцанія, я особенно настаиваю на томъ, что это именно должна быть выработка, предполагающая и развитіе необходимаго въ такомъ дѣлѣ орудія — самой активной и критической мысли. Все, что мною сейчасъ было написано, въ данномъ случаѣ не есть простое теоретическое разсужденіе, но представляетъ изъ себя и практическій совѣтъ, вызванный опять-таки не соображеніями отвлеченного свойства, а указаніями, полученными изъ многочисленныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Если въ основѣ стремленія къ самообразованію лежитъ желаніе узнать истину о природѣ, о человѣкѣ и обѣ обществѣ, порождающее выработку міросозерцанія, необходимо помнить, что каждое міросозерцаніе складывается не только изъ знанія, но и изъ вѣры».

И еще: «Я не поклонникъ того индивидуализма,— замѣчу, что индивидуализмы бываютъ разные,—того, повторяю, индивидуализма который въ сущности есть не что иное, какъ соціальный индифферентизмъ въ смыслѣ пословицы: моя хата съ краю, ничего не знаю. Это только другая форма эгоизма. Я понимаю, что лучшую основу стремленія къ соціальнымъ знаніямъ и общественной дѣятельности составляетъ безкорыстный интересъ къ судьбѣ людей и альтруистической порывъ прійти къ нимъ на помощь,— понимаю

и одобряю... Особенno понимаю я и то, что молодежь считаетъ себя призванною готовиться къ великому дѣлу служенія. Въ разныя времена юношескій идеализмъ принималъ различный характеръ, смотря по тому, какіе вопросы выдвигала на первый планъ въ ту или другую эпоху общественная жизнь. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ наше время, когда и правительство, и образованное общество, и литература, и народныя массы поглощены теоретическими и практическими рѣшеніемъ вопросовъ общественного свойства, это отражается и на настроеніи молодежи, порождая даже разнаго рода увлеченія. Но вотъ въ чёмъ дѣло. Общественная дѣятельность есть воздействиe личности на социальную среду, а это требуетъ, чтобы дѣятель, т. е. личность, удовлетворялъ извѣстнымъ условіямъ, всѣ же эти условія сводятся къ тому, чтобы дѣятель прежде всего выработалъ въ самомъ себѣ развитую и приспособленную къ общественной дѣятельности личность». Каково должно быть міросозерцаніе этой «приспособленной къ общественной дѣятельности личности», г. Кар'єевъ раскрываетъ передъ читателями въ брошюре «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія».

«...Принципъ признанія за личностью нѣкоторыхъ правъ, которые должны быть осуществлены и ограждены, такимъ образомъ можетъ быть примѣненъ и къ культурной, и къ экономической, и къ юридической, и къ политической жизни народовъ. И общий соціологический вопросъ о положеніи личности въ обществѣ долженъ рѣшаться съ той же точки зренія. Мы, однако, не имѣли бы права заявлять такихъ требованій, какія возвышенныя въ моральномъ отношеніи основанія они бы ни имѣли, если бы для этическаго идеализма не было, въ свою очередь, реальныхъ основаній въ психической природѣ человѣка, какъ личности, и въ соціологической природѣ общества, какъ соединенія и продукта дѣятельности отдѣльныхъ личностей, ставящихъ извѣстныя цѣли какъ для соединенія своего, такъ и для своей дѣятельности. Ни материализмъ метафизической, сводящей психологію къ простой физиологии мозга и нервной системы, ни материализмъ экономической, сводящей всю соціологію къ теоріи народного хозяйства, не въ состояніи объяснить міръ человѣка — не потому, однако, чтобы правда была на сторонѣ метафизического спиритуализма съ его отраженіемъ въ идеалистической исторіологии, а потому, что материалистическая психологія и соціология, въ противорѣчіе съ принципомъ научнаго реализма, требующаго изученія явлений, какъ они даны въ опыта, основываютъ себя на результатахъ одного изученія природы и физической стороны человѣка, т. е. на натурализмѣ, когда слѣдуетъ класть въ основаніе изученія всестороннее изслѣдованіе духовной и общественной жизни человѣка (гуманитаризма). Что касается до спиритуалистической метафизики и исторіологии, то съ ними въ настоящее время полемизировать

болье не приходится, ибо ихъ время прошло, повидимому, безвозвратно.

«Этическое и социологическое міросозерцаніе, вытекающее изъ изложенныхъ оснований, требуетъ отъ человѣка дѣятельнаго проявленія своей личности и объясняетъ, какую роль можетъ играть личное дѣйствие въ историческомъ процессѣ развитія духовной культуры и соціальной организаціи. Но это уже такая тема, которой мы здѣсь не думали затрагивать».

Я радъ этому «но» — ему собственно давно была пора появиться въ книжкѣ, отчего бы она послѣ нѣкотораго сокращенія мало проиграла. Такъ какъ г. Карбѣевъ разрабатываетъ ту же тему и въ третьей своей брошюрѣ, то я имѣлъ мужество, именно мужество, ознакомиться и съ этимъ сочиненіемъ — «Мысли объ основѣ нравственности», но оказалось, что она для интересующаго меня въ статьѣ вопроса мало пригодна, почему и оставляю ее въ сторонѣ; къ тому же я боюсь утерять читателя, испуганного неудобо-произносимыми цитатами, коихъ я и безъ того привелъ изъ сочиненій г. Карбѣева достаточно. Какъ читатель изъ личнаго опыта могъ убѣдиться, врядъ ли такое изложеніе г. профессоромъ своихъ сужденій и о «самообразованіи» и о «міросозерцаніи» можетъ расположить ищущую живого слова молодежь къ поученіямъ ея наставника. Тутъ дѣйствительно вспомнишь о горечи плода ученья и, пожалуй, бросишь всякую мысль о достижениія желаннаго самообразованія. Вотъ это-то обстоятельство, какъ я уже сказалъ выше, и расхолодило молодежь и вызвало ея протестъ противъ одного изъ «отцовъ» той эпохи, которая и безъ того уже, какъ мы видѣли, встрѣчала неоднократно несочувствіе новаго поколѣнія. Наука въ лицѣ г. Карбѣева, котораго хронологически нельзя собствено отнести непосредственно къ «шестидесятникамъ», но который числится въ этой плеядѣ по образу мыслей и по сочувствію, — наука, говорю я, не помогла дѣлу примиренія «отцовъ» и «дѣтей» и, пожалуй, даже охладила послѣднихъ, если только у нихъ было желаніе идти на выучку къ старшимъ. Врядъ ли авторитету послѣднихъ можетъ содѣйствовать и то полунебрежное отношеніе къ молодежи со стороны представителя науки, то-есть того же профессора Карбѣева, когда онъ, повидимому разсердившись на одного изъ отвѣчавшихъ ему, писалъ въ предисловіи къ «Мыслямъ объ основахъ нравственности»: «Въ одномъ изъ печатныхъ студенческихъ отвѣтовъ на мои «Письма» сказано что-то въ родѣ того, что намъ де нужно не самообразованіе, а самосовершенствованіе. Боюсь быть неточнымъ, передавая эти слова... но смыслъ былъ именно таковъ. По молодости лѣть наивному автору нѣсколько задорнаго «отвѣта» можно простить, что онъ вообразилъ возможность самосовершенствованія безъ самообразованія»... и т. д. Эти слова: «что-то въ родѣ того» и «намъ де», «наивный авторъ задорнаго отвѣта», очень характерны.

Въ «Письмахъ» г. Карбевъ всѣми силами старался заслужить одобреніе молодежи, а когда эта послѣдняя рѣшилась рѣзко выступить противъ своего наставника, послѣдній вознегодовалъ.

IV.

Обращеніе г. Карбева къ молодежи имѣло ту бесспорно хорошую сторону, что вызвало среди этой молодежи сильное броженіе, массу толковъ и пересудовъ; печать и рецензенты, замѣчу кстати, отнеслись къ автору брошюре почтительно, но холодно. Выразителями этого броженія явились два студента и ихъ печатныя брошюры, обращенные къ товарищамъ. Первый по времени былъ «Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на «Письма» къ ней г. Карбєва «о самообразованії» г. А. Трнка; второй — «Обращеніе товарища къ студентамъ», г. С., оставшагося неудовлетвореннымъ отвѣтомъ г. Трнка. Обѣ брошюры чрезвычайно характерны — не по силѣ своихъ доводовъ или по красотѣ изложенія, а потому, что онѣ, подобно г. Перцову въ его «Письмахъ о поэзіи» и нѣкоторымъ авторамъ изъ сборника «Молодая поэзія», ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ этой загадочной молодежью, изъ-за которой переломано столько перьевъ. Тутъ уже невозможно отреченіе или фальсификація термина «молодежь» — она сама объявила себя, руку приложила, а одинъ даже имя рекъ.

Въ обѣихъ брошюрахъ выражено категорически, что «Письма» г. Карбева не удовлетворили молодежь, что, по словамъ г. Трнка, «работа г. Карбева была вполнѣ бесполезна. Авторъ не только не выполнилъ нашей просьбы, но также не выполнилъ и своего собственного желанія рѣшить и разъяснить волнующіе насъ вопросы». Далѣе пылкій авторъ говоритъ: «Поэтому я вправѣ повторить его же, т. е. г. Карбева, слова: мнѣ всегда бываетъ больно видѣть подобные произведенія въ рукѣ юноши, мнѣ жаль того времени, которое онъ тратитъ на чтеніе бесполезной книги, когда остаются непрочитанными еще столько хорошихъ книгъ». Да, мнѣ было дѣйствительно больно и обидно, что намъ съ такой наставнической самоувѣренностью предлагаютъ никакуда негодную вещь! Сильно сказано, даже, пожалуй, и задорно, но такъ или иначе эффектъ получился неожиданный — «никуда не годная вещь!» Посмотримъ же, откуда проистекаетъ такая строгая оцѣнка. «Авторъ на нѣсколькихъ страницахъ рѣшаетъ два весьма сложныхъ вопроса: о религіи и о нашемъ отношеніи къ государству,—читаемъ мы въ брошюре г. Трнка,—при чемъ принужденъ сослаться на біологію, метафизическую философію, критическую философію, психофизіологію, соціальную этику и т. п. И, кромѣ того, какъ градомъ, осыпаетъ насъ научными терминами. Но мы этихъ наукъ не знаемъ,

а поэтому также не знаемъ, можно ли дѣлать изъ нихъ тѣ выводы, которые намъ даётъ г. Карѣевъ». Слѣдуетъ примѣръ и затѣмъ: «Какъ хотите, но ссылки, подобныя только-что приведенной, ровно ничего не объясняютъ. Но не можетъ быть, чтобы г. Карѣевъ хотѣлъ воспользоваться нашимъ незнаніемъ, огорожить насъ терминами и, такъ сказать, убѣдить силой. Вѣрнѣе всего будетъ то предположеніе, что авторъ, увлекшись философской мыслью, позабылъ о насъ, а еще и то, что эти вопросы нельзя разъяснить на нѣсколькихъ страницахъ». Оставляя всѣ прочія слова г. Тринка въ сторонѣ, вниманіе останавливается на себѣ та мысль, что г. Карѣевъ, увлекшись философской гимнастикой, позабылъ о тѣхъ, по чьему адресу были посланы «письма». Какъ хотите, а я нахожу, что эта мысль г. Тринка имѣеть основаніе, такъ какъ дѣйствительно риторичность, отвлеченность сужденій г. Карѣева бросается настолько въ глаза, что трудно разъяснить, чѣдъ его собственно интересуетъ: процессъ ли собственного мышленія, или тѣ—стоящіе на землѣ, ради которыхъ онъ взобрался на вершины философіи. Несмотря на то, что въ «Письмахъ» онъ неоднократно обращается къ молодежи, ободряетъ ее, уговариваетъ и оканчиваетъ даже свою брошюру пылкой, въ предѣлахъ его темперамента, конечно, тирадой, гдѣ звучатъ «гражданскія струны», несмотря на все,— вы дѣйствительно не видите за тяжелыми, неуклюжими фразами профессора живыхъ людей, реальной молодежи.

Не взирая на все несочувствіе къ окончательнымъ выводамъ г. Тринка, нельзя не согласиться съ его догадкою—о забвеніи профессоромъ живыхъ людей. Но послѣдуетъ далѣе за пылкимъ студентомъ. Чего же онъ желаетъ, чего ищетъ его взволнованное чувство, его взбунтовавшаяся мысль? Результаты оказываются неважными, и авторъ, недалеко уходить отъ г. Перцова. «Наше общество стало гораздо развитѣе! — восклицаетъ онъ.— Объ этомъ мы можемъ судить хотябы потому, что раньше оно увлекалось естественными науками, а теперь политической экономіей. Большая разница! жизнь, литература, наука дали намъ много нового. Если перемѣнилось общество, перемѣнилась и учащаяся молодежь». А нѣсколько раньше: «Мы употребляемъ громадныя усилія, чтобы выработать себѣ новыя понятія, новые идеалы. Мы отвергли прежнее міровоззрѣніе именно потому, что у насъ пробудилась критическая мысль, самостоятельность мысли, и значить съ этихъ поръ мы не принимаемъ чужихъ заключеній, не провѣривъ ихъ логичности и вѣрнаго отношенія къ фактамъ дѣйствительности». И вотъ, «отвергнувъ прежнее міровоззрѣніе», не создавъ, однако, взамѣнъ никакого иного, чего же ищетъ молодежь? «Мы страстно жаждемъ дѣятельности!»— объясняетъ авторъ... «Мы почерпаемъ, главнымъ образомъ, свои идеи, понятія, идеалы изъ жизни, представление о которой у насъ составляется не только по прочитаннымъ книгамъ, но и по лич-

нымъ наблюденіямъ надъ уродливыми противорѣчіями между фактами дѣйствительности». И еще: «Намъ не надо каталога, въ основаніе которого легла бы одна философская система или идея, намъ наоборотъ гораздо полезнѣе читать книги, въ которыхъ бы вопросы жизни и знанія разбирались съ разныхъ точекъ зренія: больше работы нашей мысли, лучше поймемъ эти вопросы и, во всякомъ случаѣ, будемъ имѣть больше надежды попасть на вѣрный путь».

Какъ видить читатель, въ этихъ горячихъ монологахъ г. Трика много сумбура, противорѣчій, чего-то недоговоренного и даже комичнаго; но, воля ваша, его пылъ, его бунтъ противъ навязываемой ему единой «философской системы» носить на себѣ что-то удивительно свѣжее, симпатичное. Такъ и пышетъ на васъ какой-то стихійной мощью отъ этого желанія собственными силами попасть на желанный путь, собственными силами горю пособить и насытить свою «жажду дѣятельности»! Эта, помоему, симпатичность является именно результатомъ по сравненіи пылкаго, хотя бы и не вполнѣ осмысленнаго, порыва молодежи съ олимпійски спокойнымъ созерцаніемъ г. Карѣева верхушекъ философіи и его риторической нравоучительной проповѣдью, на манеръ заказной проповѣди нѣмецкаго пастора въ церкви при похоронахъ. Сама по себѣ тирада г. Трика не выдерживаетъ критики, но въ сопоставленіи съ монотонною рѣчью наставника, его бунтъ противъ «философской системы», бунтъ дерзкій и наивный, отчасти напомнилъ мнѣ бунтъ Ивана Карамазова противъ Бога. «Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу!—гордо и запальчиво говорилъ тотъ Алешѣ.— Я хочу оставаться лучше со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотмщенному страданію моемъ и неутоленному негодованію моемъ, хотя бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорогого опѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю».

Подобно герою Достоевскаго, и авторъ «Отвѣта» отрицаєтъ не самообразованіе, а только возвращаетъ своему наставнику мудрено написанный билетъ на входъ въ заоблачную высь философіи. Обратись г. Карѣевъ попроще, посердечнѣе къ молодежи, и не было бы и этого бунта и того страннаго рѣшенія г. Трика, къ которому онъ пришелъ, возвративъ билетъ г. Карѣеву. Оставшись, благодаря своему наставнику въ потемкахъ, онъ заметался въ неизвѣстности, въ тревожномъ томлениі, «съ жаждой вѣры, съ жаждой Бога», на подобіе г. Баль蒙та и другихъ представителей «молодой поэзіи». «Поставимъ себѣ идеаломъ добро, истину и справедливость и смѣло пойдемъ по пути, указанному намъ величайшимъ изъ

людей—Христомъ». Это прекрасное желаніе г. Трнка, однако, не объяснено, въ какихъ же реальныхъ поступкахъ выразится осуществлѣніе его идеала «истины и справедливости». Въ этомъ отношеніи его товарищъ по протесту г. С., хотя тоже не даетъ вполнѣ точного отвѣта, однако, все-таки какъ будто желаетъ чего-то болѣе осознательнаго — по крайней мѣрѣ касательно вопроса, по какому пути идти для достижения евангельского идеала.

Г. С. не полемизируетъ съ профессоромъ Карбевымъ, онъ даже какъ будто успокаиваетъ его въ его неудачахъ обращенія къ молодежи. «Если г. Карбеву не удалось объяснить всего,—говорить г. С.,—то это не значитъ, что онъ никогда этого не сдѣлается. Онъ, по крайней мѣрѣ, находится на пути исканія, что лучше самодовольного покоя. Но г. Трнкъ,—продолжаетъ авторъ обращенія,—далѣше говорить, что не всѣмъ понятны выводы и термины, которые употребляется г. Карбевъ. Намъ, не специалистамъ философскихъ наукъ, нужны сжатыя мысли, выраженные просто и ясно. А между тѣмъ г. Карбевъ писалъ ко всей учащейся молодежи, а не исключительно студентамъ филологамъ и юристамъ». Обращаясь къ товарищамъ, г. С. въ спокойномъ, нѣсколько проповѣдническомъ тонѣ поучаетъ ихъ: «Итакъ, вы видите, что не только въ жизни, но и у насъ студентовъ, истина; добро, справедливость сдѣлались понятіями условными. А между тѣмъ все намъ говорить, что эти понятія должны быть абсолютными, только слабость человѣческая сдѣлала ихъ условными. Есть! навѣрное есть, одна истина, одно добро, одна справедливость, только мы ихъ не видимъ». Коснувшись современной литературы, г. С. говоритъ: «Мы въ ней не находимъ для себя ни жизненныхъ правиль, ни руководящихъ идеаловъ. Насъ, студентовъ, часто упрекаютъ, что мы поступаемъ во многихъ случаяхъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Это совершенно вѣрно. Но гдѣ тѣ правила, которыя бы диктовали намъ, какъ мы должны поступать, и съ которыми мы нравственно не расходились бы. Вѣдь поступать только по правилу, а не по убѣжденію, тоже не хорошо, скажемъ мы». По его мнѣнію, главной цѣлью стремленій современной молодежи должно быть не самообразованіе, а самоусовершенствованіе. «Къ этому я стремлюсь и въ этомъ я нашелъ жизнь и утѣшенье»,—добавляетъ онъ. Какимъ же способомъ сподобился такого успокоенія души юноша, по собственному признанію, еще совсѣмъ молодой? Идеаль самоусовершенствованія онъ обрѣлъ въ величайшей книгѣ, какая только есть у людей—въ Евангелии. «Евангелие,—говорить онъ,—есть та книга, къ которой протягиваются руки на картинѣ Веддера; Христосъ—тѣ ворота въ произведеніи Годена, черезъ которыхъ всѣ желающіе должны пройти. Итакъ, кто хочетъ называться христианиномъ, кто любить Христа, то долженъ любить Его слово. Поэтому читайте, узнавайте, тамъ и только тамъ вы найдете разгадку словамъ истины,

добро, справедливость. Познать все это можно, только читая Евангелие, т.-е. познавая Христа».

Когда я впервые прочел эти слова г. С., то на меня пахнуло чёмъ-то давно знакомымъ, чему свидѣтельствъ въ жизни пришлось однажды быть, что я нѣкогда слышалъ и чему поклонялся. Я вспомнилъ одного товарища въ концѣ 1870-хъ годовъ, который тоже, подобно г. С., твердилъ о томъ же «самоусовершенствованіи», тоже утверждалъ, что въ учених Христа нашелъ своей душѣ «жизнь и утѣшеніе». Свою долю онъ мнилъ обрѣсти въ отреченіи отъ мира, а товарищамъ указывалъ на Алешу Карамазова, какъ на типъ, который должна выработать въ реальной жизни современная ему молодежь. Его указаніямъ въ знакомой мнѣ, по крайней мѣрѣ, средѣ не дано было осуществиться — Алешей Карамазовымъ никто не сдѣлался. «Въ міръ иди и въ мірѣ будь, какъ инокъ» — завѣщалъ своему любимцу старецъ Зосима, и со словъ этого старца, созданного фантазіей, а по другимъ показаніямъ списанного съ оригинала Достоевскаго, вѣщалъ своимъ товарищамъ и мой пріятель. Въ мірѣ-то дѣйствительно большинство пошло, но никто не соблюль здѣсь иноческаго обѣта, самъ же молодой энтузіастъ во вѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру какъ будто отѣлился, но... обратился въ воинствующаго черноризца, пріобрѣвшаго себѣ широкую извѣстность въ мірѣ духовенства. Нашлись и такие, которые послѣдовали его примѣру, но мнѣ рѣшительно невѣдомо, носять ли эти послѣдніе въ своей душѣ «утѣшеніе» и являются ли въ жизни евангельской образъ. Любопытное это было движение среди молодежи 1880-хъ годовъ, движение, въ значительной степени обязанное своимъ происхожденіемъ геніальному автору «Братьевъ Карамазовыхъ», а также нѣкоторымъ мистическимъ вліяніямъ того времени, которымъ не мало послѣдствовалъ г. Влад. Соловьевъ, не извѣстный теперь авторъ «Идеаловъ и идоловъ», а авторъ тогдашнихъ Религіозныхъ основъ жизни и «Трехъ рѣчей въ память Достоевскаго! Но теперь не обѣ этомъ рѣчи, вспомнилъ же я это движение въ «ученое монашество» по поводу наставлений г. С. своимъ товарищамъ, гдѣ также указанъ для подражанія образъ Христа и его святое учение. Что и говорить — великий примѣръ, выставленный г. С.! но меня болѣе всего смущаетъ въ его словахъ утвержденіе, что онъ «напечъ уже» въ жизни «утѣшеніе» и какъ будто осуществилъ недосягаемый идеаль. Не звучить ли здѣсь то смиреніе, которое «паче всякой гордости»? А тотъ символический путь, по которому ведеть своихъ читателей г. С. — и книга Веддера и ворота Годена, мнѣ уже совсѣмъ подозрителенъ, вслѣдствіе чего я рѣшаюсь и все обрѣтеніе идеала и «утѣшеніе» г. С. заподозрить въ сродствѣ съ проповѣдуемымъ г. Единицею изъ «Недѣлѣ» пантегиономъ. Дѣятельная христіанская любовь врядъ ли будетъ спокойно созерцать мучительные поиски путей жизни; со стороны

ближнихъ вѣдь даже Алеша Карамазовъ подъ жгучими вопросами брата прорвался и обнаружилъ свою «Карамазовщину»! А неужели авторъ «Обращенія къ студентамъ» рѣшится установить съ послѣднимъ свое тождество? Для меня это было бы въ высшей степени интереснымъ явленіемъ—я убѣдился бы въ томъ, что тотъ типъ, который былъ указанъ нѣкоторыми моралистами «восьми-десятникамъ», осуществился лишь въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Но пока не убѣдился въ этомъ собственными глазами, беру грѣхъ на душу и рѣшаюсь отождествить ученіе о «самоусовершествованіи» безъ «самообразованія» съ знакомыми уже «пантеизмомъ» «Недѣли» и «реабилитацией дѣствительности» г. Перцова и г. Трнка.

V.

Итакъ, мы видимъ, что молодежь 1890-хъ годовъ, подобно своимъ старшимъ братьямъ предшествовавшаго десятилѣтія, «отвергаетъ міровоззрѣніе» отцовъ, объявлять, что въ современной литературѣ нѣть «ни жизненныхъ правилъ, ни руководящихъ идеаловъ». Отвергнувъ чужое, молодежь эта не устанавливаетъ, однако, чего нибудь своего ясноопределенного и рѣзкоочерченного, а пробавляется либо общими мѣстами, либо рекомендуетъ успокоеніе въ самоуслаждающейся любви или ожиданіи «несозданныхъ міровъ». Эта категорія непокорныхъ «дѣтей» посагаетъ лишь на качественность и цѣнность отцовскаго наслѣдія, не указывая въ точности, чѣмъ оно не хорошо, каковы его недостатки и погрѣшности. Но рядомъ съ этими въ послѣднее время выдвинулись и другіе, уже новые, которые въполномъ вооруженіи послѣднимъ словомъ науки подвергаютъ критическому анализу это наслѣдство по его составнымъ частямъ и взамѣнъ его выставляютъ свое благопріобрѣтенное или взятое изчужа напрокатъ добро. Представителями этой категоріи являются г. П. Струве съ его трудомъ «Критическая замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» и г. Н. Бельтовъ въ книжкѣ «Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію. Отвѣтъ г.г. Михайловскому, Карбеву и комп.». Трудъ г. Струве явился самостоительно, а книжка г. Бельтова связана съ полемикой, возгорѣвшейся между авторомъ «Критическихъ замѣтокъ» и цѣлой группой литераторовъ, болѣе или менѣе единомышляющихъ по вопросамъ соціальнымъ и экономическимъ, сотрудничающихъ преимущественно въ нынѣшнемъ «Русскомъ Богатствѣ» съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ. Оба молодые авторы рѣзко полемизируютъ съ «шестидесятниками», чье «стройное соціологическое міровоззрѣніе традиціонно господствуетъ въ нашей литературѣ», и противопоставляютъ ему доктрину «экономического материализма». Г. Струве еще раньше выпуска въ

свѣтъ своихъ «Критическихъ замѣтокъ» помѣстилъ въ нѣмецкой газетѣ «Sozialpolitisches Centralblatt» небольшую замѣтку, где подвергъ рѣзкой критикѣ извѣстное сочиненіе Николая —она «Очерки нашего преобразованія хозяйства». Уже въ этой замѣткѣ онъ бросилъ перчатку школѣ нашихъ прогрессивныхъ экономистовъ, перчатку, которую послѣдніе руками тогдашняго сотрудника «Русскаго Богатства» С. Н. Кривенко подняли и дали съ своей стороны молодому писателю неблагопріятный отпоръ. Не прошло и года послѣ первой стычки, какъ г. Струве выступаетъ въ русской уже литературѣ открытымъ и ярымъ противникомъ «субъективистовъ» и «прогрессивнаго міровоззрѣнія» 1860-хъ годовъ въ вопросахъ философскихъ, соціальныхъ и экономическихъ. Главная сила тяжести научныхъ нападокъ автора «Очерковъ» пала на г. Михайловскаго и его «формулу прогресса», где, по мнѣнію г. Струве, «результаты анализа объективныхъ фактовъ, анализа, безспорно весьма остроумнаго, были предрѣплены субъективной точкой зрењія». Опуская частныя несогласія по вопросамъ философскимъ, отмѣтимъ, какъ г. Струве защищаетъ свое міровоззрѣніе и школу «экономического материализма». «Классический примѣръ объективности и историчности экономического материализма представляютъ разсужденія его основателей о рабствѣ и его значеніи въ соціально-экономической эволюції». Значеніе это выражается въ томъ, что «рабство дало возможность провести въ крупномъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью и такимъ образомъ создало цвѣтъ античнаго міра — греческую культуру. Безъ рабства не было бы греческаго государства, не было бы греческаго искусства и греческой науки. Безъ рабства не было бы римскаго государства, а безъ греческой культуры и римскаго государства не существовало бы современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе предполагаетъ состояніе, въ которомъ рабство было необходимою и пользовалось всеобщимъ признаніемъ». Подобно тому, какъ на основѣ рабства создалась культура древняго міра, такъ точно на основѣ успѣвшаго уже въ Россіи обозначиться капитализма должно въ настоящее время обосноваться и благополучіе нашего некультурнаго отечества. «Вся материальная и духовная культура тѣсно связана съ капитализмомъ: она выросла вмѣстѣ съ нимъ или на его почвѣ. Мы же, ослѣпленные какимъ-то непомѣрнымъ национальнымъ тщеславіемъ, мнимъ замѣнить трудную культурную работу цѣлыхъ поколѣній, суровую борьбу общественныхъ классовъ, экономическихъ силъ и интересовъ построеніями нашей собственной «критической мысли», которая открыла трагательное совпаденіе народно-бытовыхъ формъ со своими собственными идеалами. И добро бы та почва, на которой мы беремся сопротивлять, безъ содѣйствія историческихъ силъ, наше пышное вда-

ніе, оправдывала такое тщеславіе? Между тѣмъ на этой почвѣ не прослылъ слѣдъ крѣпостного права, которое, конечно, въ свое время было не только злой выдумкой... Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Г. Струве, какъ я уже замѣтилъ, развивая свои мысли, по дорогѣ рѣзко опровергаетъ установившіяся у насъ положенія экономической и соціологической науки, уличаетъ нашихъ публицистовъ (гг. Михайловскаго, Николая —она, В. В. и др.) въ невѣжествѣ, неправильномъ пониманіи и толкованіи западно-европейскихъ философовъ, въ фальшивомъ и тенденціонномъ освѣщеніи русской дѣйствительности и неправильныхъ утопистическихъ вожделѣніяхъ, предъявляемыхъ къ установившимся у насъ отношеніямъ между рабочими классомъ и работодателями. Я не имѣю возможности въ своемъ очеркѣ, который и безъ того разросся сверхъ положенного предѣла, ознакомить читателей со всѣми ходомъ смысла мысли г. Струве. Интересующихся отсылаю къ самой книжкѣ молодого экономиста; замѣчу только, что авторъ «Критическихъ очерковъ» рѣшительно отвергаетъ авторитетность нашихъ публицистовъ и въ ихъ методахъ и въ ихъ выводахъ и строить свою теорію «экономического материализма» не на основѣ русской дѣйствительности, а по образцу западно-европейской науки метафизического свойства.

Книжка г. Струве вызвала бурную оппозицію со стороны тѣхъ, на кого онъ въ своемъ юномъ азартѣ не по силамъ замахнулся критическими скальпелемъ. Отвѣчали ему и г. Николай —онъ, и С. Кривенко, но особенно досталось бѣдному автору отъ полемическихъ ударовъ Н. К. Михайловскаго. Извѣстный публицистъ потратилъ не мало времени на г. Струве, и послѣдній вышелъ изъ-подъ его полемического пера порядочно-таки оциппаннымъ и искалѣченнымъ. Но не успѣлъ редакторъ «Русскаго Богатства» справиться съ однимъ изъ непокорныхъ дѣтей, какъ на защиту своего товарища выступилъ другой бойкій, остроумный молодой писатель —Н. Бельтовъ. И этотъ, подобно г. Струве, рѣшительно не хочетъ признавать авторитета «шестидесятниковъ», отказывается отъ «субъективныхъ идеаловъ», отъ выработанной г. Михайловскимъ «формулѣ прогресса», и, вооружившись сравнительно историческимъ методомъ, защищаетъ основы «экономического материализма» на тѣхъ же метафизическіхъ принципахъ, что и г. Струве. Выводы г. Бельтова слѣдующіе: 1) Убѣжденія Гейнцена и его единомышленниковъ относительно того, что Марксъ былъ осужденъ на бездѣйствіе въ Германіи своими собственными взглядами, оказались вздоромъ. Такимъ же вздоромъ окажется и убѣжденіе г. Михайловскаго относительно того, будто бы не могутъ принести пользы русскому народу, а напротивъ, должны вредить ему люди, держащіеся у насъ теперь взглядовъ Маркса. 2) Взгляды Буллей и Фольграфовъ на тогдашнее экономическое положеніе Германіи оказались узкими, односторонними и ошибочными въ силу своей отвле-

ченності. Можно опасаться, что дальнѣйшая экономическая исторія Россіи обнаружить подобные же недостатки во взглядахъ Николая—она. 3) Люди, ставившіе въ Германіи сороковыхъ годовъ организацію производства своей ближайшей задачей, были утопистами. Такими же утопистами являются люди, толкующіе объ организаціи производства въ нынѣшней Россіи. 4) Исторія смела иллюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ. Есть всѣ основанія думать, что подобная же участіе постигнетъ и иллюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насыпался надъ первыми; съ болѣю въ сердцѣ предвидимъ, что насыбется онъ и надъ вторыми.

Г. Струве и г. Бельтовъ оказались не единственными послѣдователями у насъ экономического материализма и ученія Маркса. Не успѣлъ разгорѣться споръ «шестидесятниковъ» противъ положеній, установленныхъ рѣзко и откровенно г. Струве, какъ г. Михайловскій, главный оппонентъ автору «Критическихъ замѣтокъ», былъ заваленъ письмами отъ молодежи, гдѣ заявлялось полное сочувствіе философіи знаменитаго автора «Капитала». Свѣдѣнія объ этихъ сочувствіяхъ можно найти въ публицистическихъ очеркахъ за 1894 годъ «Литература и жизнь» г. Михайловскаго, печатаемыхъ ежемѣсячно въ «Русскомъ Богатствѣ».

Въ своеіь спорѣ съ «утопистами» и «субъективистами» г. Бельтовъ выказалъ много остроумія, блеска, учености, а главное бойкости, граничащей подчасъ съ пошлой хлесткостью. Даже наиболѣе сердитый его противникъ призналъ за нимъ несомнѣнную «талантливость». Его теорія о необходимости примиренія съ нарождающимся соціальнымъ и экономическимъ вломъ имѣла успѣхъ, хотя можетъ быть, и чисто внѣшній. Книга разошлась съ поразительной быстротой. Существенный недостатокъ молодого публициста—неосторожность въ произвольныхъ ссылкахъ и навязываніе противникамъ того, чего не содержится въ ихъ сочиненіяхъ.

Главные удары г. Бельтова, какъ и г. Струве, были направлены противъ г. Михайловскаго; «Кар'евъ и Комп.» упоминались только мимоходомъ, и на долю послѣднихъ выпало меньше вниманія со стороны молодыхъ ученыхъ. Г. Бельтовъ третируетъ «Кар'ева и Комп.» свысока, пробавляется дешевыми шутками на ихъ счетъ и рекомендуетъ старшимъ имѣть надзоръ за младшими, въ каковомъ возрастѣ и оказались многіе изъ «Компаній». Не смотря на то, что книга г. Бельтова вышла позже труда г. Струве, была написана по поводу спора г. Струве и «прогрессивной школы», не смотря на то, что отличается «талантливостью» и остроуміемъ, наша публицистика отнеслась къ ней, однако, съ меньшимъ негодованіемъ, чѣмъ къ г. Струве, такъ что, полемизируя съ ея авторомъ, на первомъ планѣ имѣется постоянно въ виду авторъ «Критическихъ замѣтокъ». Г. Бельтовъ чуть ли не на каждой страницѣ задѣваетъ шутками и остротами г. Михайловскаго. Послѣдній, въ своихъ возраженіяхъ на книжку

«Къ вопросу о развитії монистического взгляда на исторію» не остается въ долгу у своего противника. Публицистъ-соціологъ, по-сѣдѣвшій втечение 35-ти-лѣтней своей литературной дѣятельности на полемическихъ турнирахъ, успѣваетъ съ полной удачей возвратить по адресу оброненный г. Бельтовымъ въ спорѣ «шутовской колпакъ» и прочитать его хозяину не одну остроумную нотацію.

Главное возраженіе Н. Михайловскаго защитникамъ «экономического материализма» заключается въ слѣдующихъ словахъ («Русское Богатство» 1894 годъ, № 10): «Экономический материализмъ не есть всеобъемлющая философская система, а только обломокъ ея. Возврѣній его на природу мы, собственно говоря, почти не знаемъ. Насколько можно судить по экскурсіямъ въ эту область въ книгѣ Энгельса противъ Дюрина, онъ приымкаетъ къ естественно-историческому материализму, сдабривая его гегельянскую формулой трехстепенного развитія: по этой формулѣ и трава ростеть, и геологическая явленія совершаются. Здѣсь вмѣсто духа или идеи наскоро подставляется матерія, на нее кладется гегельянскій штемпель, и тѣмъ дѣло относительно природы кончается, а изслѣдованіе скачкомъ переносится въ область философіи человѣческаго общества. Напримѣръ, Дарвинову теорію Энгельсъ цѣнитъ, какъ противоположность ученію Линнея, какъ одно изъ выражений идеи развитія, измѣнчивости всего сущаго, но о той роли, которую теорія Дарвина можетъ и должна или не можетъ и не должна играть въ соціологии,—мы не узнаемъ ничего. Въ экономическомъ материализмѣ нѣть философской связи между естествознаніемъ и обществознаніемъ, если не считать унаследованного отъ Гегеля положенія, что и тамъ и тутъ все происходитъ въ извѣстномъ тройственномъ порядкѣ. Для послѣдовательного материалиста это немножко мало. (Пропшу читателя замѣтить, что упрекъ этотъ я дѣлаю и дальнѣйшее говорю не въ качествѣ материалиста; г. Струве называетъ меня субъективнымъ идеалистомъ, а я за кличкой не гонюсь). Затѣмъ въ обществознаніи Энгельсъ торопится ступить въ слѣды Гегеля, но обернувъ ихъ задомъ напередъ: не идея, не философія, а нѣчто другое, материальное составляетъ сущность исторического процесса и его объясненіе. Но что же именно? Казалось бы, самое материальное въ человѣческомъ обществѣ—это плоть и кровь составляющихъ его членовъ, людей индивидовъ, то-есть элементъ биологической, а затѣмъ материалистъ могъ бы спуститься еще глубже, въ область, пожалуй, физики и механической теоріи, куда и пробовалъ у насъ когда-то спуститься г. Жуковскій. Сообразно выбору той или другой изъ этихъ ступеней матеріи, понятіе объ историческомъ процессѣ могло бы получить весьма разнообразный характеръ. Но экономический материализмъ выбралъ нѣчто, стоящее виѣ этихъ ступеней,—не матерію, а переработку матеріи человѣческими руками и ея передачу на извѣстныхъ усло-

віахъ изъ рукъ въ руки,—производство и обмѣнъ. Послѣдовательный материалистъ этимъ удовлетвориться не можетъ. И тѣ, кто думаетъ, что при помощи экономического материализма найдена самая сущность, самое дно вещей, которое прежде искали при помощи идеализма, жестоко ошибаются: и тогда была яма глубока, и теперь въ ней дна не видно. Мало того, старая философія, хоть бы то же гегельянство, не смотря на свою основную односторонность, пыталась обнять единымъ принципомъ все сущее, а теперь мы имѣемъ лишь осколокъ ея, сугубо односторонне сосредоточивающій наше вниманіе. Тѣмъ не менѣе гордые пріемы старой метафизики вполнѣ усвоены экономическимъ материализмомъ».

Полемика Н. К. Михайловского съ «марксистами» вообще и гг. Струве и Бельтовымъ въ частности отняла много мѣста въ его статьяхъ «Литература и жизнь» и чрезвычайно характерна, какъ горячая отповѣдь учителя-шестидесятника вышедшемъ изъ послушанія ученикамъ. Но въ статьяхъ публициста вопросы трактуются съ точки зрѣнія научно-общественной, принципіальной, и онъ не касается дѣла примѣнительно къ экономической жизни Россіи, ея народно-хозяйственному строю. Здѣсь оппонентомъ молодежи, разумѣя преимущественно г. Струве, выступилъ г. Николай—онъ, авторъ крупной работы «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», стяжавшей ему почетную извѣстность въ нашей экономической литературѣ. Н.—онъ отвѣчалъ своимъ молодымъ противникамъ обстоятельною статью «Апология власти денегъ, какъ признакъ времени» («Русское Богатство», 1895 г., №№ 1—2), гдѣ говорить: «Самая существенная ошибка г. П. фонъ-Струве, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ судить о явленіяхъ нашей хозяйственной жизни не по нимъ самимъ, а по готовому шаблону теорій, выработанныхъ западно-европейской наукой, совершенно не обращая вниманія на то, что данный фактъ проявляется при условіяхъ исторически совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ онъ развивался въ Западной Европѣ; въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ не только можетъ за-держиваться развитіе данного факта, но что экономический законъ, которому онъ подчинялся въ своемъ развитіи въ Западной Европѣ, можетъ совсѣмъ не проявляться въ тѣхъ историческихъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ въ настоящее время». Ученый экономистъ съ цифрами въ рукахъ, при помощи параллелей изъ жизни нашего народа и его хозяйственныхъ тяготѣній съ таковыми же явленіями западно-европейской и американской жизни наноситъ существенные бреши въ «доктринерскихъ взглядахъ» г. Струве. Окончательное заключеніе г. Николая—она проливаетъ свѣтъ на требованія, которыхъ предъявляютъ представители «прогрессивной школы» къ задачамъ по изученію русской действительности въ ея экономическихъ проявле-

ніяхъ. «Вотъ почему совершенно правы тѣ, которые для нашего отечества ищутъ материального основанія для созданія иного пути хозяйственнаго развитія, а не того, которымъ шла и идетъ Западная Европа», — говоритъ авторъ «Апологіи власти денегъ». — «Но какъ бы кто ни смотрѣлъ на это дѣло, для решения его есть только одинъ путь, указанный намъ естественными науками, идя по которому послѣднія все болѣе и болѣе даютъ возможность человѣку изъ раба природы въ значительной мѣрѣ стать ея владельцемъ; а достиженіе такого результата имѣть неизмѣримо большее значеніе въ области явленій общественныхъ. Но вступивъ на этотъ путь, надо разъ навсегда отказаться отъ доктринерскихъ толкованій и признать, что истину можно открыть, только изучая самыя явленія, сопоставляя ихъ, находя между ними связь, наблюдая влияніе развитія каждого изъ нихъ на остальные, а это можетъ дать между прочимъ статистика, которая, несмотря на свою юность, открываетъ экономической наукѣ такія широкія перспективы, которыхъ и не снились доктринерамъ, подобнымъ г. П. фонъ-Струве. Словомъ къ общественнымъ наукамъ вполнѣ приложимы слова Гексли: «лабораторія,—говорить онъ,—а въ нашемъ случаѣ изученіе связи общественныхъ явленій, — лабораторія—это сцена, ведущія въ храмъ философіи».

Такимъ образомъ мы видимъ, что и Н. К. Михайловскій и Н.—онъ одинаково бросаютъ молодежи упрекъ за ея нежеланіе соприкасаться съ дѣйствительностью, нежеланіе познать ее, каковою она есть, и стремленіе опираться въ своихъ выводахъ и умозаключеніяхъ не на основахъ реальнаго истиннаго знанія, а на устояхъ старой метафизики. Въ этихъ свойствахъ современного настроенія молодежи дѣйствительно есть нечто общее съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ исторіи развитія 1840-хъ годовъ, и недаромъ г. Перцовъ утверждаетъ, что «истинной цѣлью человѣчества является именно созданіе наибольшей суммы счастья на землѣ, и умѣй оно лучше видѣть и сознавать тѣ пути, которые вѣрнѣе всего ведутъ къ ней, оно больше цѣнило бы всѣ «изящныя развлечения», и тогда мы лучше бы знали и понимали нашихъ поэтовъ». Изящныя развлечения, т.-е. «святое искусство», или отвлеченнное мышленіе вотъ путь достиженія «человѣческаго» идеала въ противовѣсь одностороннему понятію о «гражданинѣ». Г. Перцовъ не одинокъ въ своихъ возвѣніяхъ назадачи современности—и г. Трикъ и г. С. тоже отвергаютъ путь серьезнаго «самообразованія» и проповѣдуютъ необходимость сосредоточиться на «самоусовершенствованіи», отрицаются «прежнаго міровоззрѣнія» и «чужихъ заключеній», въ основаніи которыхъ положена «одна философская система или идея». Молодые критики «Недѣли» проповѣдуютъ «пантеистическое міросозерцаніе», признаютъ необходимость реабилитаціи дѣйствительности, критикъ «Сѣвернаго Вѣстника» громить растрепанную гражданскую публи-

цистику 1860-хъ годовъ и приглашаетъ свое поколѣніе на вершины метафизического мышленія. Гг. Струве и Бельтовъ, экономисты новѣйшей формациіи 1890-хъ годовъ, перескакивають черезъ всѣ выводы и факты, установленные этической и соціальной школой, и протягиваютъ руку сочувствія метафизическій системѣ Гегеля и экономическому матеріализму Маркса, изгоняя тѣмъ изъ нашей жизни свѣтлыхъ соціальныхъ перспективы, созданныя усилиями цѣлаго поколѣнія 1860-хъ годовъ. «Молодая поезія» не находитъ сюжетовъ въ окружающей жизни, ея наиболѣе талантливые представители не удостоиваются ея своимъ вниманіемъ:

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленія неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Какіе-то романтическіе порывы охватили наше современное поколѣніе; попирая ногами почву опыта гнанія, она въ гордомъ ослѣпленіи отталкиваетъ руку содѣйствія своихъ руководителей, которымъ еще не такъ давно поклонялась, и, будучи не въ состояніи сдержать порывовъ души, требующей дѣятельности и жизни, ищетъ себѣ забвенія въ созданіи таинственныхъ, невѣдомыхъ «мировъ».

Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ!

Восклицаетъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ ея представителей и затѣмъ тревожно вопрошаєтъ:

Что намъ дѣлать? гдѣ спаситель?
Какъ защитника найти?

Дѣйствительно, безвыходно, тяжело положеніе молодежи, которое она творить себѣ, порывая съ недавнимъ прошлымъ и его традиціями! Взамѣнъ «разрушенныхъ храмовъ» и «поверженныхъ кумировъ» она собственными мистическими порывами ничего не въ состояніи создать свѣтлого, радостного и плодотворнаго. А потому въ заключеніе этого очерка хочется обратиться къ ней перифразомъ изъ «Очерковъ» г. Струве: нѣть, сознаемъ наше бессиліе и пойдемъ на вылѣчуку къ лучшимъ представителямъ недавняго прошлага, противъ которыхъ мы подняли такой шумный и безплодный бунтъ!..

Б. Глинський.